

Пристрастие к чудесному — одна из главных и наиболее постоянных особенностей романского искусства, но как раз эта его черта не может быть объяснена заказом и требованиями церкви. Конечно, некоторые из подобных изображений имели символическое значение. Известно, что сирена, которая губит своим пением моряков, является символом мирских соблазнов, пеликан, по средневековым поверьям питающий птенцов собственной кровью, олицетворяет Христа, принесшего себя в жертву ради людей, единорог олицетворяет целомудрие, аспид и василиск — силы зла. Все же подавляющее число изображений зверей и чудовищ не имело религиозного смысла. Это подтверждается авторитетным свидетельством самого Бернара Клервоского. „К чему в монастырях перед лицом читающей братии это смешное уродство, эта некая странная безобразная красота и красивое безобразие? — писал он, протестуя против изобилия декора в монастырских церквах. — К чему здесь нечистые обезьяны? К чему дикие львы? К чему полулюди? К чему полосатые тигрицы? К чему сражающиеся воины? К чему трубящие в рог охотники? Ты можешь увидеть здесь множество тел с одной головой и, наоборот, на одном теле множество голов. Здесь перед глазами находится четвероногое со змеиным хвостом, там рыба с головой четвероногого. Тут зверь влачит зад козы, являясь спереди лошадью, там рогатое животное оканчивается конем. Наконец, столь великое и столь причудливое разнообразие всяких форм, что ты пожелаешь скорее читать по камню, нежели в книгах, и провести целый день в любовании этими диковинками, чем в размышлении над божественным законом“.